

«СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ»: ДВОЙНАЯ СТРАТЕГИЯ

Алексей Пикулик, Елена Артеменко

Введение

В 2009 г. Белорусский институт стратегических исследований (BISS) реанимировал классический термин «социальный контракт» и использовал его в качестве аналитической оптики, через которую авторы исследования стремились продемонстрировать рациональные основы социально-политической стабильности в Беларуси. Коллективная монография «Социальные контракты в современной Беларуси» создала сложный концептуальный треугольник из гоббсовского и локковского видения взаимоотношений граждан и государства («общественный договор» или «социальный контракт») с политэкономией авторитарного перераспределения у Буэно де Мескита (1989) и с хиршмановской (1970) триадой стратегий: «лояльность», «голос» и «выход». Концептуальный «ребенок» от подобного неравного брака — по крайней мере, с позиции строгих канонов социальных наук — вырос в микротеорию стабильности белорусского авторитаризма. Более того, к вероятному удивлению самих авторов, он сделал яркую карьеру: быстро стал самостоятельным, и уверенно отвоевал свое место в поле белорусской политической аналитики.

Во многом этот успех объясним параметрами самого поля, в котором на момент выхода монографии доминировали три варианта объяснения стабильности белорусского политического режима. При этом каждый из них выносил рациональность белорусов за скобки. Так, на фоне основной структуралистской гипотезы: «режим Лукашенко возможен из-за незаконченного процесса нациостроительства» (Марплз, Акудович), фокус на «социальном контракте» предлагал четкие причинно-следственные механизмы. Во-вторых, по сравнению с доминирующими акторными теориями, в которых основа поддержки Лукашенко считалась функцией его харизматического популизма, а сам он практически возводился в ранг греческого «бога из машины», исследование BISS (2009) предлагало сфокусироваться на сложном обмене между государством и социальными группами. В-третьих, в отличие от фиксации на кнуте — «принуждении и репрессиях» — монография делала акцент на вопросах «пряника», т.е. того, каким образом рациональная власть сохраняет свою гегемонию, «спуская» различным социальным группам вертикальные «социальные контракты», и, в зависимости от обратной связи, их корректирует. При этом в отличие от пост-марксистского тезиса о том, что социально-политическая устойчивость государства достигается за счет сочетания силы и согласия, принуждения и убеждения (Граммши, 1991; Альтюссер, 1972; Пуланцас, 1969; Миллибанд, 1970), исследование BISS предполагало разнообразное меню репертуаров поведения для граждан. Речь идет, в частности, о стратегии «выхода» или наличия некоторых «карманов» реальности, в которых несогласный гражданин может спрятаться от не устраивающего его положения вещей: без демонстрации преданности режиму, но и без борьбы на баррикадах.

В общем, «социальный контракт» стал первым системным исследованием рациональных причин поддержки белорусами статус-кво, и серьезно видоизменил поле белорусской политической аналитики: не столько из-за безупречности предлагаемой теории, сколько из-за параметров белорусского аналитического поля, коль скоро тезис о том, что авторитаризм может быть выгоден обществу, прозвучал с таким резонансом. «Социальный контракт» быстро стал тиражируемым конструктом для определенной части белорусских политических

сил, и вернул белорусское общество в виде переменной в представление о политическом режиме, в котором до этого в основном крутилась голливудская драма о террористе, захватившем заложников.

С момента публикации исследования прошло пять лет и BISS решил вернуться к теме «социальных контрактов» для того, чтобы, с одной стороны, переосмыслить теорию пятилетней давности, а с другой — чтобы понять, что произошло с оценками и ожиданиями различных социальных групп в отношении благ, предоставляемых государством после серии политических и экономических шоков (2009, 2010 и 2011 гг.). Итак, что произошло с тем, что BISS в 2009 г. называл «социальным контрактом»? Для ответа на эти вопросы мы провели два национальных опроса по репрезентативной выборке (один — в январе 2013 г., второй — в апреле 2014 г.), а также серию глубинных интервью.

Выводы исследования оказались во многом парадоксальными:

1. Волна кризисов не привела к разрушению доверия белорусов к государству.
2. Согласие населения с основными параметрами «социального контракта» (согласно формулировке исследования 2009 г.) осталось на прежнем уровне. Более того, парадоксально, но белорусы стали выше оценивать те услуги, которые предоставляет им государство, и при этом — требовать от государства меньше, все больше полагаясь на себя.
3. Вероятная интерпретация кажущегося нерационального поведения белорусов (ценить выше, требовать меньше на фоне невыполненных государством обязательств) — это «двойная стратегия». В категориях Хиршмана (которыми пользовался BISS в 2009 г.) — это «выход» при сохранении «лояльности». С одной стороны, различные социальные группы продолжают использовать патерналистское государство как поставщика «анестезии», демонстрируя лояльность и не желая менять существующую модель, с другой — искать способы снижения собственных рисков.
4. Двойная стратегия и поддержка белорусами статус-кво может быть объяснена «зависимостью от колеи». Так, по результатам последнего национального опроса BISS (2014 г.) несмотря на то, что более 75% белорусов считают необходимым проведение в стране реформ, только 15% респондентов однозначно готовы терпеть негативные последствия от реформирования. Иначе говоря, сохранение статус-кво в краткосрочной перспективе кажется более выгодным, чем выгоды в долгосрочной, а издержки от изменения кажутся слишком высокими. Учитывая то, что белорусская система предоставляет гражданам достаточное количество возможностей по комфортному «выходу» и не заставляет жестко выбирать между «выходом» и «лояльностью¹», теоретический запрос населения на реформы не перерастает в реальное политическое давление на власть. В отличие от советского «социального контракта», в рамках которого требовалась ритуальная демонстрация лояльности, практически не предусматривалась опция «выхода» и жестко наказывался протест, белорусские власти более толерантно относятся к совмещению стратегий граждан.
5. Реакция на волну кризисов продемонстрировала общественную гибкость в отношении правил игры, спускаемых различным социальным группам, и значительно «удешевила» стоимость «социального контракта» для власти: схожий уровень поддержки приобретается за меньшие по объему социальные выплаты.

Итак, цель настоящей статьи состоит в том, чтобы расширить теоретическую рамку нового исследования «социального контракта». Она начинается с ревизии старой концептуальной схемы, продолжается ее имплантацией в контекст исторического институционализма и завершается анализом видоизменения «социального контракта».

---

¹ Например, сотрудник IT компании может одновременно получать высокий доход и платить низкие налоги, строить жилье за государственный кредит и пользоваться бесплатной медициной и при этом ругать власть в социальных сетях.

1. «Социальные контракты»: переосмысливая концептуальные основы

Под «социальными контрактами» BISS (2009 г.) понимал «неявное соглашение между государством и социальными группами, в рамках которого стороны более или менее осознают издержки и выгоды своего поведения» (2009, 2010 гг.). При этом логическая основа исследования строилась на предположении, что «социальный контракт» как договор между группами — «как бы существует» (2009, 2010 гг.). Следует отметить, что авторы, безусловно, осознавали ограничения подобной концептуализации, признавая, что хоть аналитическим путем и можно «реконструировать» предполагаемые негласные соглашения между обществом и государством, но гораздо труднее установить какие-то значимые взаимосвязи, скажем, изменений общественных настроений (спроса) с изменениями государственной политики (предложением) по отношению к тем или иным социальным группам или к обществу в целом (Силицкий, 2009). Дальнейшая часть этой главы очерчивает пять узких мест этой микротеории.

Во-первых, в исследовании BISS «социальный контракт» выступал как *explanandum*, так и *explanans*, или как зависимые и независимые переменные, которые периодически менялись местами. Так, с одной стороны, «социальный контракт» был объектом исследовательского фокуса: его существование должно было быть доказано, а параметры изучены и описаны, с другой — «социальный контракт» выступал как основная переменная, объясняющая саму стабильность белорусской социально-политической системы. К слову, стабильность белорусской социально-политической системы была крайне скупо разъяснена авторами, и имплицитно понималась ими как отсутствие изменений, что в действительности, делало теоретическую работу еще более проблематичной². Так или иначе, использование «социального контракта» для объяснения социально-политической стабильности было неполным, так как не выявляло, какая часть предполагаемой стабильности объясняется именно «контрактом», а какая частью иными факторами: идеологией, «зависимостью от колеи», привычкой, нерациональными факторами, и т.д. и т.п.

Во-вторых, в исследовании 2009 г. «социальный контракт» рассматривался как асимметричный и вертикальный, что переводило сложные отношения нелинейных обменов в одномерную вертикальную модель: от государства к обществу. Подобная модель сверхрационализировала белорусское государство и наделяла его чрезмерной рефлексивностью и стратегичностью. При этом исследовательским фокусом являлся не непосредственный обмен и структура трансфертов, а восприятие различными социальными группами благ, получаемых от государства, т.е. структура взаимных оценок и ожиданий, которая, в свою очередь, не всегда поддается рационализации.

В-третьих, авторы исследования с одной стороны, использовали крайне усеченную хиршмановскую теоретическую модель государства, как организации, которая предоставляет определенные блага своим гражданам-клиентам, а с другой — не проводили разделительную линию между политическим режимом и государством. Опора на Хиршмана (1991), в действительности, означала достаточно существенный уход в сторону от конвенций функционального рационализма. В рамках этого подхода, следуя Веберу, государство рассматривается в качестве общественной организации, длительное время удерживающей монополию на легитимное насилие и осуществляющей регулирование хозяйственной деятельности в рамках определенной территории. Более развернутая модель государства делала акцент на трех конститутивных монополиях: насилие, юстиция и фискальная монополия. Наконец, необходимым условием существования государства является автономия от сфер регулирования: как от внутренних, так и от внешних групп интересов.

---

² Исходя из позитивистской традиции Хиршмана, в рамках теории которого работал коллектив BISS в 2009 г., объяснять отсутствие явления (в нашем случае — дестабилизации) не то же самое, что объяснять реальный присутствующий феномен.

Перевод «социального контракта» в область неявных соглашений между государством и группами интересов, и отношений спроса-предложения (хоть и с серьезной поправкой на вертикальность и асимметричность «контракта»), таким образом, излишне упрощает картину гипотетической социально-политической стабильности³ и сводит государство к фирме, поставляющей услуги клиентам. Вторая проблема подобной концептуализации — это смешение государства и политического режима. Традиционно под «политическим режимом» понимается «стиль менеджмента государства», набор правил и игроков, регулирующий как правила доступа к власти, так и взаимоотношений между властью и обществом (Фишман, 1991). Государство же является гораздо менее подвижной и во многом устойчивой структурой. И хоть в действительности в авторитарных режимах присутствует существенное смешение государства и режима (первое становится инструментом для второго по удержанию власти) «лояльность», «голос» и «выход» по отношению к государству — не то же самое, что по отношению к политическому режиму⁴. Так, властная элита, а не аморфное и абстрактное государство, предлагала правила игры белорусам, покупая их лояльность за счет перераспределения и идеологии, предупреждая их протест демонстративными точечными репрессиями или позволяя им транзакционно дешевый «выход». В общем, (не)доверие к государству и (не)доверие к власти/режиму не является одним и тем же.

В-четвертых, исследование 2009 г. концептуально полагалось на триаду стратегий, взятых из работы Альберта Хиршмана (1970): 'Exit, Voice, Loyalty', и переведенных на русский как "выход, голос, лояльность". К слову, сложно не согласиться с Владимиром Гельманом, считающим, что: а) «выход» здесь гораздо уместнее переводить как «уход» (для того, чтобы лишить «выход» потенциально позитивной коннотации — «есть выход!»); и б) «голос» уместнее переводить как «протест», раз речь идет о конкретных действиях по изменению не устраивающей ситуации. В абсолютно упрощенной форме модель Хиршмана сводилась к следующему. Клиенты организации, будь то покупатели товаров, сотрудники организации или граждане страны, столкнувшись с проблемами, связанными с организацией, могут предпочесть «выход» (покинуть или сменить организацию, уехать из страны или уйти в запой) или «голос» (требовать смену руководства, писать петиции или звать других граждан на баррикады). Обе стратегии несут потенциальные издержки организации. Соответственно, у нее есть стимулы не только удовлетворять клиентов, но и упреждать последствия их недовольства.

В случае авторитарного режима правитель заинтересован, с одной стороны, в теоретическом снижении стоимости «выхода» — позволить всем недовольным легко уехать или избрать то, что Майкл Буравой называл «инволюцией» или сворачиванием внутрь: например, уйти в онлайн протест, уволиться с завода и уйти в сферу оффшорного IT или найти иные лакуны, в которых сосуществование с реальностью не будет особенно болезненным. С другой — правитель заинтересован в том, чтобы выбор по оси «голос» воспринимался как приносящий крайне высокие издержки, при этом, это достигалось бы без чрезмерного применения насилия, так как насилие в непопулярных авторитарных режимах зачастую становится фактором, разрушающим режим. «Превентивный авторитаризм» в Беларуси (Силицкий, 2009) зачастую пытался подавлять протест в зародыше, и ограничивался яркими демонстрациями силы, что, в свою очередь, позволяло Лукашенко оставаться относительно «вегетарианским» авторитарным лидером.

Третий элемент модели Хиршмана — «лояльность», в некоторой степени снижающая стройность дихотомии «голос» – «выход». В самой концепции Хиршмана именно лояльность как ось стратегии объяснена в наименьшей степени, она то рациональна, то нерациональна.

³ Так, причина поддержки модели может крыться не столько в непосредственной структуре получаемых гражданином благ, сколько в общей оценке эффективности государства.

⁴ Например, плохо прожаренный стейк может стать причиной разочарования в шеф-поваре, но не в ресторанах как форме организации бизнеса.

Согласно Хиршману (1979), лояльность как поддержка статус-кво может «играть социально полезную роль, предотвращая накопление несогласия». Иными словами, лояльность является производной от ряда факторов: социализации, привычки, нерационального, и может быть барьером на пути стратегии «выхода».

Главной проблемой здесь является то, что исследование 2009 г. не предлагало ясной операционализации стратегии «выхода». Иначе говоря, гражданин, предпочитающий «выход» (например, переход на работу из государственного предприятия в бизнес), тем самым не разрывает свою связь с государственным перераспределением (платит налоги, получает субсидированные цены на ЖКХ и т.п.). Соответственно, здесь уместнее говорить об «относительном выходе».

Так или иначе, теоретический перенос Хиршмана на изучение «социальных контрактов» в Беларуси не лишен проблемных моментов. Помимо сложности с операционализацией «выхода» это трудность в понимании природы «лояльности», которая, в общем, в самом исследовании 2009 г. объясняется скорее по остаточному принципу: лояльность есть там, где нет «выхода» и «голоса». В итоге, в крайне грубой форме посыл исследования 2009 г. сводится к частично тавтологическому заключению: пресловутая белорусская социально-политическая стабильность объясняется тем, что значительная часть белорусов поддерживает статус-кво; часть несогласных нашла способ «выхода» (уехали или предпочли «внутреннюю миграцию»), а массовый протест («голос») не случается из-за высоких *ex post* и *ex ante* издержек подобной стратегии.

В-пятых, несмотря на осторожную попытку вписать белорусский «социальный контракт» в определенный исторический и сравнительный контекст, возникают два закономерных вопроса: а) когда сформировался «социальный контракт»? и б) есть ли что-то уникальное в белорусском «социальном контракте» в сравнительной перспективе? Структурно природа авторитарной стабильности в разных странах отличается лишь размерами «селекторов⁵» и качеством патрон-клиентских отношений: распределять пирог в пользу широких слоев населения, как это делает Лукашенко, или разрешать узкой группе хорошо вооруженных друзей отрезать пирог себе самостоятельно, как это делает Мугабе — это все вариации на одну и ту же тему: купить, запугать, или убедить.

Вопрос происхождения «социального контракта» в Беларуси требует рассмотрения исторической перспективы, в частности, преемственности советского и белорусского «социального контракта». К слову, подобная попытка отчасти предпринимается в текстах Гайдука и Силицкого (2009), однако акцент в них поставлен не на эволюции феномена, а на «снимке» нового «контракта». Подобная логика, с одной стороны, лишает авторов важного исторического инструментария, а с другой — сверхрационализирует как социальные группы, так и государство. Группы как бы находятся в нескончаемом процессе оценки объема получаемых от государства благ (как материальных, так и нематериальных) и рассчитывают свои стратегии: протестовать, уходить или довольствоваться статус-кво. Государство как бы постоянно взвешивает кому, сколько и что отрезать от общего пирога, чтобы, с одной стороны, упреждать недовольство, а с другой — не стать заложником постоянно растущих appetitov.

В общем, осознавая эти пять проблемных мест предыдущего исследования, следует предложить переосмысленную рамку для изучения «социального контракта».

---

⁵ Данный термин — это адаптация термина *selectorates* (de Mesquita) в значении *selected electorates*.

2. Расширяя теоретическую модель

«Социальный контракт» — это, безусловно, метафора, а контрагентом социальных групп в этой метафоре является, скорее, политический режим, а не государство. Поэтому в тексте нового исследования «социальный контракт» употребляется в кавычках. Под ним мы понимаем набор формальных и неформальных правил игры (институтов), спускаемых государством, которое мы понимаем в веберовском значении, различным группам, в основном касающихся сферы политического поведения, и имплантируем его в поле исторического институционализма.

Учитывая то, что в Беларуси удалось воссоздать функциональное государство (с точки зрения трех вышеуказанных монополий) и предотвратить захват государства внешними или внутренними группами интересов, правила игры кажутся легитимными, что дает белорусской власти несомненный козырь. В результате демонтажа институтов либеральной демократии, через которые общество могло бы напрямую влиять на власть, правила игры действительно асимметричны. В связи с отсутствием четких механизмов обратной связи, через которые власть понимала бы, чего хочет общество, а общество понимало бы стратегию развития страны, мы имеем дело с перманентной неопределенностью. В итоге, власть вынуждена экспериментировать и зачастую предлагает социальным группам плохо взвешенные (с точки зрения последствий) правила игры, которые меняются по ходу прояснения балансов сил и распределения интересов. Каждая волна внешних кризисов позволяет «пересмотреть» структуру выгод и издержек в рамках устоявшихся правил игры. При этом в данных правилах игры есть мало нового в сравнении с советским периодом.

Политэкономия удержания власти в советское время была построена на существовании плановой экономики, в которой были заняты все граждане республик, в рамках которых гегемония удерживалась за счет сосуществования систем перераспределения. Союзный центр перераспределял нефтяную ренту и создавал асимметричные торговые отношения в пользу сателлитов или союзных республик. В свою очередь лидеры союзных республик перераспределяли ренту в пользу граждан. Цитируя Кука (1993): «режим ... обеспечивал широкие гарантии полной занятости, а также контроль над ценами и субсидиями... наряду с эгалитарной политикой оплаты труда. В обмен на [эти блага и] столь сильный контроль со стороны государства и предоставленные гарантии экономической и социальной безопасности советские рабочие не протестовали против монопольной власти партии, принимали господство госсобственности в экономике, а также соглашались с политическими устоями авторитаризма» (Cook, 1993).

По сути дела советский «социальный контракт» как набор правил для ряда групп уцелел в Беларуси в начале 1990-х гг. Это было возможно за счет того, что как Кебич, так и Лукашенко имели возможность оплачивать «социальный контракт», сохранив доступ к получению российской ренты: нахождение Беларуси в рублевой зоне до 1992 г., доступ к московским техническим кредитам, обмен реальных скидок на зачастую словесные уступки, манипулирование бартерными операциями и прочее. **В сложившейся модели президент страны выступает как анестезиолог, который обезболивает социальные группы от неминуемого и травмирующего падения уровня потребления, связанного с потенциальной перестройкой социально-экономической модели.**

Основное же отличие белорусского «социального контракта» от советского заключается в том, что граждане не обязаны проявлять демонстративную лояльность и имеют гораздо больше возможностей для «выхода» — как уехав, так и оставшись в Беларуси. Кроме того, граждане имеют возможность совмещать стратегии «лояльности» и «выхода»: потреблять государственный патернализм (например, получать зарплату, порой заработанную при убыточности предприятия, иметь субсидированные счета на коммунальные услуги и др.), при этом имея возможность уйти в те сектора, в которых роль государства минимальна.

Результаты нового исследования «социальных контрактов» в некоторой степени противоречат ожиданиям теоретизации 2009 г. А именно, волна кризисов и уменьшение «выплат» гражданам со стороны государства теоретически должны были привести к разрыву «контракта» и увеличению числа тех, кто делал бы свой выбор по оси «выхода» или «голоса». При этом общественная поддержка основных параметров «социального контракта» (см. следующую главу данной статьи) осталась практически на прежнем уровне. Для интерпретации данного феномена мы прибегаем к объяснительным моделям исторического институционализма, так как триады — «голос», «выход» и «лояльность» — как противоречащих друг другу, недостает до полноценного объяснения. Так, «невыгодные» правила игры и «плохие институты» имеют свойство сохраняться и воспроизводиться длительное время, что нельзя объяснить исключительно рациональным выбором групп (особенно, сведенных к триаде стратегий), играющих по этим правилам. Тому есть несколько объяснений.

«Властное объяснение» в рамках исторического институционализма объясняет данный феномен тем, что любые правила игры создают победителей и проигравших. Победители заинтересованы в удержании плохих институтов как ситуации, приносящей им систематические выгоды, а проигравшие, заинтересованные в институциональном улучшении, не имеют ресурсов для осуществления изменений. Другая группа институционалистов (Стайнмо, Телен, Штрек, Махоуни), объясняла данный феномен «зависимостью от колеи». С течением времени часто происходит консолидация плохих институтов (например, авторитарных режимов). Это означает, что гражданин «рождается» в конкретном социальном контексте, проходит социализацию в определенной институциональной среде и учится не только успешно в ней существовать, но и перенимает от нее понятие «приемлемого/неприемлемого» (logic of appropriateness). Более того, индивиды инвестируют значительное время и ресурсы в детальное изучение правил игры, привыкая к ним и извлекая из любой ситуации мнимую или реальную пользу. В этом смысле изменение правил игры (расторжение «социального контракта») несет неминуемые издержки, которые могут казаться излишними в определенной временной перспективе, заставляя индивидов выбирать сохранение статус-кво. В общем, говоря о белорусском «социальном контракте», мы не можем не рассматривать фактор «зависимости от колеи» — репродукции «плохих» институтов в связи с а) возрастающей отдачей (increasing returns), б) инвестированными белорусами ресурсами по адаптации к режиму-анестезии. Согласно данным социологического опроса 2014 г., половина белорусов не готова терпеть ухудшение собственного материального положения и только 10% считает, что терпеть тяготы переходного периода можно ради членства Беларуси в ЕС.

Подводя итоги данной части, следует еще раз подчеркнуть, что мы не предпринимаем попытки создать новую теорию белорусского авторитаризма. Получив новые эмпирические данные, противоречащие ожиданиям исследования 2009 г., мы лишь расширяем объяснительную модель, «одалживая» теоретические концепции в традиции исторического институционализма.

3. Основные выводы исследования «социального контракта» 2013 г.

Таким образом, перейдем к описанию данных исследования «социального контракта».

3.1. Поддержка «социального контракта»

Основные положения «социального контракта» в том виде, в котором он был описан в исследовании 2009 г., — это то, как социальные агенты воспринимают политику государства (в терминах настоящего исследования мы можем говорить о «режиме») и на что соглашаются, принимая во внимания выгоды и издержки от проявляемого согласия. Эти положения были выявлены в ходе качественного исследования методом фокус-групп с различными категориями граждан в 2008 г. Положения сформулированы в виде утверждений, с которыми соглашались или не соглашались респонденты в рамках количественного исследования. Все утверждения сводятся к высокой степени контроля режима над социальной и экономической жизнью страны:

- лучше иметь меньшую зарплату, но гарантированную работу;
- лучше работать на государственном предприятии, нежели на частном;
- лучше принудительное распределение студентов после вуза, позволяющее им трудоустроиться;
- пусть предприятия не зарабатывают больших прибылей, но они не скуплены иностранцами;
- лучше иметь медицинское обеспечение худшего качества, но зато бесплатное.

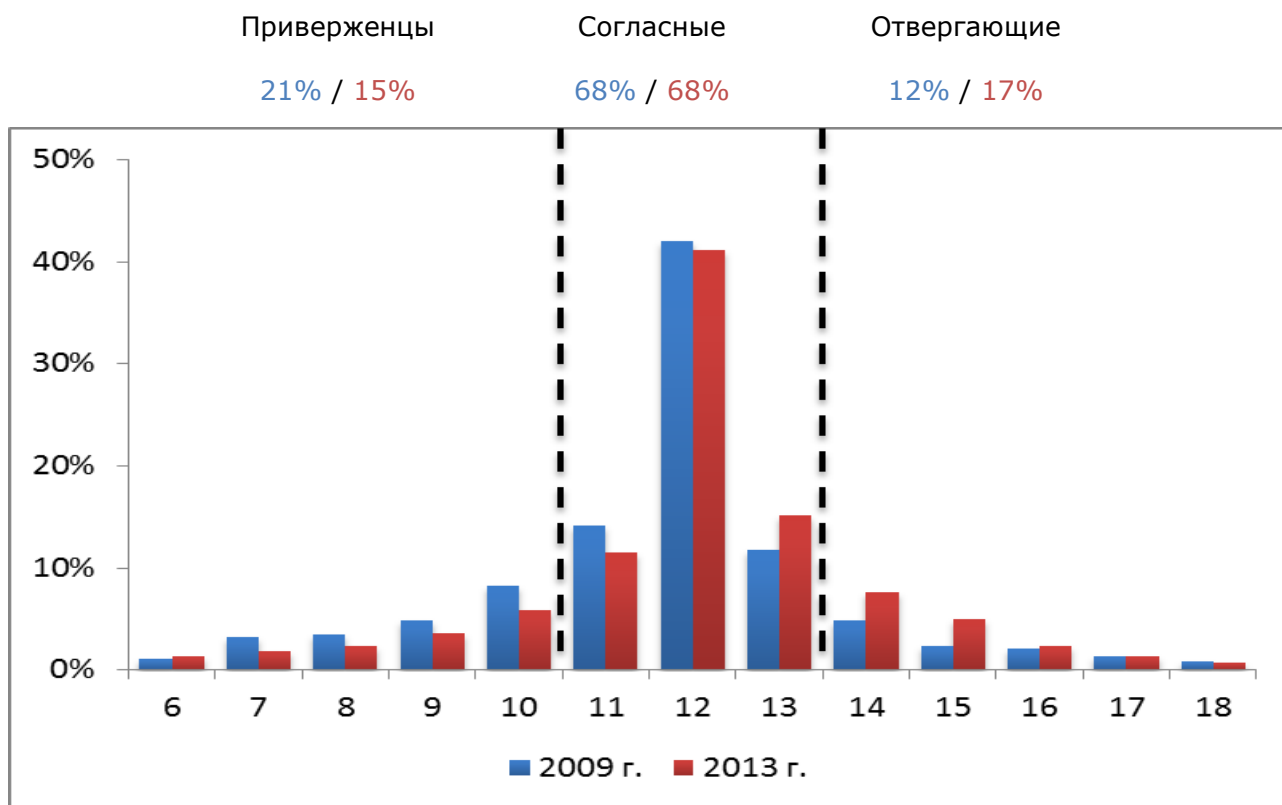
В качестве основного утверждения для описания положений «социального контракта» можно назвать:

- гражданский мир и политическая стабильность оправдывают некоторые ограничения свобод.

Чтобы оценить степень согласия с условиями «социального контракта» и проследить ее изменение, мы используем индекс «степени согласия». Индекс «степени согласия» рассчитывается исходя из оценок согласия с каждым из перечисленных утверждений. Тем респондентам, которые соглашались с утверждением, был присвоен минимальный балл для каждого параметра — «1», тем, кто выражали нейтральную позицию — «2», тем, кто был не согласен, — максимальный балл «3». Сумма баллов и составляет общий индекс согласия с «социальным контрактом», и изменяется от минимального значения — 6 баллов (согласные в наибольшей степени) до максимального — 18 баллов (не согласные в наибольшей степени). Сравнение распределения населения в целом по индексу «степени согласия» представлены на диаграмме.

Диаграмма 1. Распределение индекса «степени согласия» с положениями «социального контракта»

Исходя из суммарного балла индекса, среди населения можно выделить 3 группы: «приверженцы» «социального контракта» (от 6 до 10 баллов), «согласные» с «социальным контрактом» (11-13 баллов) и «отвергающие» «социальный контракт» (14-18 баллов). Из представленных оценок видно, что по сравнению с 2009 г. есть динамика в сторону снижения доли «приверженцев» за счет увеличения доли «отвергающих», однако перераспределение остается на уровне 5-6%, тогда как большинство попадает в группу «согласных», которая составляет 68%, как и в 2009 г.

Если говорить отдельно о параметре, который является определяющим для субъективного принятия предлагаемого «социального контракта» — согласии с ограничениями свобод взамен на политическую стабильность, то его оценки практически не изменяются.

Таблица 1. Согласие с положениями «социального контракта»

		2009 г.	2013 г.
В нашем государстве обеспечены гражданский мир и политическая стабильность, что оправдывает некоторые ограничения демократии и свободы слова	Полностью согласен	9,1%	7,2%
	Скорее согласен	34,6%	34,5%
	Скорее не согласен	27,2%	30,2%
	Абсолютно не согласен	10,1%	10,0%
	НЗ/30	19,0%	18,1%

Мы можем наблюдать очень высокую степень постоянства распределения ответа на вопрос: только на 2% снизилось количество тех, кто полностью согласен с тем, что ограничением прав и свобод оправданы сохранением гражданского мира и политической стабильности.

На основании индекса «степени согласия» с «социальным контрактом» и оценки его ключевого положения мы делаем вывод о том, что «социальный контракт» в виде предложения государственного режима по-прежнему поддерживается населением. Анализ того, что же население ожидает получить взамен своих политических и экономических свобод, рассматривается нами далее.

3.2. Динамика ожиданий от государства и оценок предоставляемых благ

Несмотря на коллизии, происходившие в экономической и политической жизни страны (2009, 2010, 2011 гг.), население поддерживает основные положения «социального контракта». Однако сокращение поддержки государства не могло не отразиться на ожиданиях от предоставляемых благ и социальных трансфертов и оценках их предоставления. Список основных благ и трансфертов был сформулирован по результатам качественного исследования, проведенного BISS в 2008 г. Традиционно ожидания населения по большинству параметров выше оценок предоставляемых благ, однако для нас, в первую очередь, будет интересно то, как изменились ожидания и оценки разных социальных групп за период 2009-2013 гг.

По результатам анализа динамики ожиданий и оценок для наемных работников видно, что для большинства параметров, несмотря на тенденцию к сокращению государственной поддержки, оценки наемных работников растут. Рост оценок можно объяснить только одним — снижением ожиданий, которое как раз и происходит из-за сокращения предоставляемых благ в кризисный и послекризисный период. К таким благам относятся: обеспечение льгот, пособий, стипендий, гарантий трудоустройства, возможностей для предпринимательской деятельности, соблюдения законности и защиты от криминала. На фоне этих параметров некоторые блага, несмотря на снижение ожиданий, не оцениваются наемными работниками выше. К ним относятся: помощь при покупке жилья, бесплатное высшее образование, политическая стабильность, медицинское обслуживание, гарантии банковских вкладов. Стабильность оценок данных параметров на фоне снижения ожиданий говорит о том, что сокращение данных благ было более чувствительным для наемных работников (работники бюджетного сектора, государственных и частных предприятий), и «кризисная прививка» не подействовала на увеличение оценок того, что предоставляется на данный момент. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, важность каких параметров более критична для группы наемных работников: их сокращение может вызвать снижение оценок государства и лояльности к нему. Однако с другой стороны, мы видим, что по основной массе благ оценки не снижаются, сохраняется согласие с положениями «социального контракта», поэтому мы можем говорить о том, что с наемными работниками «контракт» «не разрывается».

Таблица 2. Динамика ожиданий и оценок. Наемные работники

↑ - рост оценок/ожиданий по сравнению с результатами исследования 2009 г.

= - сохранение оценок/ожиданий на уровне результатов исследования 2009 г.

↓ - снижение оценок/ожиданий по сравнению с результатами исследования 2009 г.

	Оценки	Ожидания
Обеспечивает льготы, пособия	↑	=
Выплачивает стипендию	↑	=
Обеспечивает пенсию	↑	↓
Гарантирует трудоустройство	↑	↓
Обеспечивает бесплатное среднее образование	↑	↓
Гарантирует соблюдение законности	↑	↓
Обеспечивает соблюдение работодателями обязанностей перед работниками	↑	↓
Дает возможность зарабатывать	↑	↓
Защищает от криминала	↑	↓
Обеспечивает возможности для предпринимательской деятельности	↑	↓
Помогает при покупке жилья, дает льготные кредиты	↓	↓
Обеспечивает бесплатное высшее образование	↓	=
Обеспечивает бесплатное медицинское обслуживание	=	=
Обеспечивает политическую стабильность	=	↓
Обеспечивает качественное медицинское обслуживание	=	↓
Обеспечивает 100%-ные гарантии банковских вкладов	=	↓

Похожая ситуация наблюдается и в группе пенсионеров. По основной массе параметров: обеспечение пенсии, стипендии, льгот и пособий, гарантий трудоустройства, возможности зарабатывать — ожидания снижаются, и на фоне этого растут оценки. Ожидания не снижаются в случае бесплатного медицинского обслуживания, политической стабильности и гарантии банковских вкладов. Это говорит о том, что данные параметры особенно важны для

группы пенсионеров. На фоне снижения ожиданий не растут оценки обеспечения качественного медицинского обслуживания, бесплатного среднего образования и защиты от криминала — это также свидетельствует о значимости параметров. Тем не менее, в целом можно говорить о двух тенденциях: снижении зависимости от государства и позитивной оценке тех благ, которые по-прежнему предоставляются государством.

Таблица 3. Динамика ожиданий и оценок. Пенсионеры

↑ - рост оценок/ожиданий по сравнению с результатами исследования 2009 г.

= - сохранение оценок/ожиданий на уровне результатов исследования 2009 г.

↓ - снижение оценок/ожиданий по сравнению с результатами исследования 2009 г.

	Оценки	Ожидания
Обеспечивает пенсию	↑	↑
Выплачивает стипендию	↑	↓
Обеспечивает льготы, пособия	↑	↓
Гарантирует трудоустройство	↑	↓
Гарантирует соблюдение законности	↑	↓
Обеспечивает соблюдение работодателями обязанностей перед работниками	↑	↓
Дает возможность зарабатывать	↑	↓
Обеспечивает возможности для предпринимательской деятельности	↑	↓
Помогает при покупке жилья, дает льготные кредиты	↓	↓
Обеспечивает бесплатное высшее образование	↓	↓
Обеспечивает бесплатное медицинское обслуживание	=	=
Обеспечивает политическую стабильность	=	=
Обеспечивает качественное медицинское обслуживание	=	↓
Обеспечивает 100%-ные гарантии банковских вкладов	=	=
Обеспечивает бесплатное среднее образование	=	↓
Защищает от криминала	=	↓

Если говорить о группе молодежи, мы так же, как и для групп наемных работников и пенсионеров, не наблюдаем снижения оценок благ, предоставляемых государством. Однако это происходит не за счет снижения ожиданий: в силу специфики группы их требования остаются на высоком уровне и ожидания растут.

Таблица 4. Динамика ожиданий и оценок. Молодежь

↑ - рост оценок/ожиданий по сравнению с результатами исследования 2009 г.

= - сохранение оценок/ожиданий на уровне результатов исследования 2009 г.

↓ - снижение оценок/ожиданий по сравнению с результатами исследования 2009 г.

	Оценки	Ожидания
Обеспечивает бесплатное высшее образование	↓	↑
Гарантирует трудоустройство	=	↑
Обеспечивает соблюдение работодателями обязанностей перед работниками	=	↑
Дает возможность зарабатывать	↑	↑
Выплачивает стипендию	↑	↑
Обеспечивает бесплатное среднее образование	↑	↑
Обеспечивает возможности для предпринимательской деятельности	↑	↑
Помогает при покупке жилья, дает льготные кредиты	↑	=
Обеспечивает бесплатное медицинское обслуживание	=	=
Обеспечивает политическую стабильность	↓	↓
Обеспечивает качественное медицинское обслуживание	↑	↓
Гарантирует соблюдение законности	=	↓
Обеспечивает 100%-ные гарантии банковских вкладов	↑	↓
Обеспечивает льготы, пособия	↑	↓
Обеспечивает пенсию	↑	↓
Защищает от криминала	↑	↓

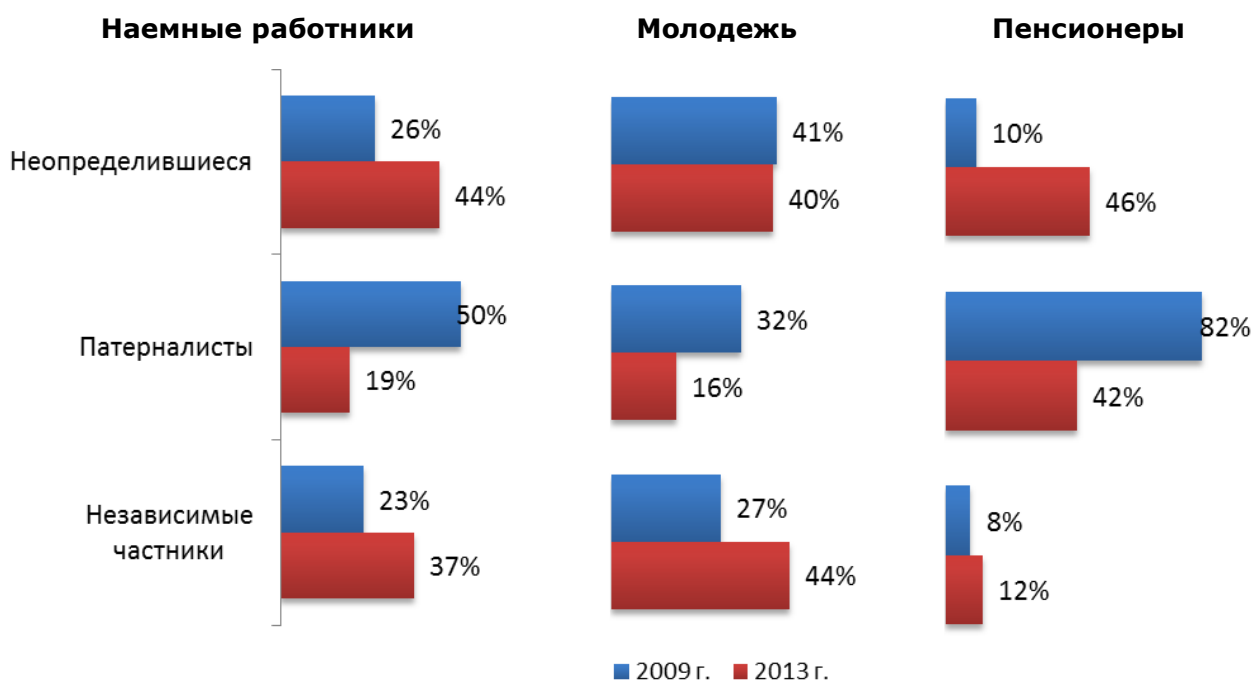
Таким образом, за период 2009-2013 гг. основные группы «социального контракта» (наемные работники, пенсионеры и молодежь) стали менее зависимы от государства. Их ожидания снижаются, однако приверженность «социальному контракту» (степень согласия с условиями «социального контракта», оценки предоставляемых благ) увеличиваются. На основании этого мы можем сделать вывод о том, что социальная стабильность, поддержка государства опирается на согласие с условиями, сформированными и описанными в исследовании 2009 г. При этом блага, предоставляемые государством, и, соответственно, ожидания населения сокращаются. Это подтверждает предположение о том, что поддержка населения базируется не исключительно на рациональном выборе.

4. Природа социальной стабильности

Сопоставление степени согласия населения с «социальным контрактом» и ожиданий от государства со стороны основных групп населения позволяет сделать вывод о том, что снижение объемов предоставляемых благ не влечет за собой существенного снижения поддержки государства. Снижение объемов предоставляемых благ амортизируется снижением ожиданий населения, за счет чего оценки того, что государства делает для основных социальных групп, зачастую увеличиваются.

Снижение ожиданий касательно отдельных благ соответствует общей тенденции: представители социальных групп в меньшей степени полагаются на государство в вопросах образования, здоровья, трудоустройства и благосостояния, в меньшей степени рассчитывают на него. То, насколько существенно снижается склонность населения полагаться на государство, можно видеть по динамике размеров групп «патерналистов», «независимых частников» и «неопределившихся» (группы выделяются методом кластерного анализа по вопросам о степени государственного контроля экономики и склонности полагаться на государство).

Диаграмма 2. Динамика групп населения по отношению к «социальному контракту»

Во всех группах доля «патерналистов» — тех, кто склонен полагаться на государство и выступает за государственный контроль в экономике, существенно снижается: для наемных работников и пенсионеров — в пользу «неопределившихся», в случае молодежи — в пользу

«независимых частников». Таким образом, мы не можем утверждать, что взаимоотношения населения и государства строятся исключительно на рациональном выборе: «стоимость» «социального контракта» для государства снижается, ценность предоставляемых благ для населения снижается, однако «контракт» остается в силе.

Таким образом, полученные результаты стали основанием для пересмотра и расширения концепции «социального контракта». Мы видим, что, несмотря на политические и экономические шоки 2009-2011 гг., население Беларуси по-прежнему согласно с положениями «социального контракта», которые заключаются в высокой степени государственного контроля в экономической, социальной и политической сферах. Группы «приверженцев «социального контракта», «согласных с «контрактом» и «отвергающих «контракт», выделяемых на основании индекса «степени согласия», изменяются несущественно: группа согласных с контрактом сохраняется на уровне 68%, группа «отвергающих «контракт» увеличивается на 6% за счет группы «приверженцев.

Благодаря предоставляемым режимом возможностям комбинировать стратегии, сокращение благ, предоставляемых государством взамен согласия с положениями «социального контракта», не снизило оценки этих благ основными группами населения. При этом можно наблюдать существенное сокращение ожиданий по большинству параметров, на фоне чего оценки предоставляемых благ увеличиваются. Таким образом, население в меньшей степени полагается на государство, сохраняя при этом свою лояльность.